

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Вып. XXVII

АФРИКА
(География, история, культура, экономика)

Москва
Главная редакция восточной литературы
1991

А. В. Хренков

К ИСТОРИИ РУССКО-ЭФИОПСКИХ
РЕЛИГИОЗНЫХ КОНТАКТОВ

Объективной исторической предпосылкой русско-эфиопских государственных и церковных контактов явилась, безусловно, религиозная близость России и Эфиопии. И русские и эфиопы (главным образом амхаро-тиграйское население Эфиопии) приняли в I тысячелетии нашей эры христианство восточного направления (византийского толка): Эфиопия (вернее, ее предшественник — Аксумское царство) — в 343 г. от Александрийской патриархии¹, Киевская Русь — в 988 г. от патриархии Вселенской, т. е. Константинопольской.

С одной стороны, принятие Аксумским царством христианства способствовало его обособлению от остальной Африки, от своих соседей, которые в то время еще придерживались традиционных анимистических верований, а после VIII—IX вв. стали подпадать под влияние быстро распространяющегося ислама; с другой стороны, это же обособление христианского анклава среди языческо-мусульманского окружения обусловило традиционное тяготение Эфиопии к государствам и народам Ближнего Востока и Европы как своим единоверцам.

До XVI—начала XVII в. христиане всех толков — православные, католики и протестанты — принимались эфиопами как единоверцы. Эфиопия, отрезанная от остального христианского мира прочным «мусульманским заслоном» и большими расстояниями, была далека от ожесточенных богословских споров, раздиравших христианский мир в средние века. Арианство, несторианство, монофизитство, православие и католицизм — эти бесконечные религиозные расхождения в христианстве доходили до Эфиопии глухими, отдаленными раскатами, не оказывая серьезного влияния на ее собственную внутрицерковную жизнь, которая развивалась относительно самостоятельно и в русле которой было немало собственных подводных камней, течений, противоречий и водоворотов, вызванных местными причинами.

Внешняя же связь с остальным христианским миром традиционно поддерживалась через Александрийскую патриархию, которая в V в. отделилась от Вселенской церкви из-за возникших серьезных догматических расхождений с последней при

александрийском митрополите Диоскоре, что, кстати сказать, стало известно в Эфиопии далеко не сразу. На Халкидонском соборе (451 г.) Диоскор и его приверженцы, отвергшие догмат о двуединой бого-человеческой сущности Христа и признававшие в нем лишь божественное начало, были осуждены и отлучены от церкви как еретики-монофизиты. В разряд еретиков, сами не ведая того, были отнесены и эфиопские христиане как «дети духовные» отлученного митрополита Диоскора, провозгласившего вскоре о создании самостоятельной Александрийской патриархии. Однако в традиционных, издавна сложившихся отношениях между Эфиопией и Александрийской патриархией все оставалось по-прежнему. Александрийский патриарх, как и прежде, назначал в Эфиопию по своему выбору митрополита (архиепископа) — «абунэ» («абуну»), за что получал установленный выкуп, дань от эфиопских властей.

До XVI — начала XVII в. эфиопские христиане, как отмечалось, по-видимому, не осознавали серьезных различий между католиками и православными, египетскими монофизитами (коптами), армяно-григорянами или греками. Все они были для них христианами, единоверцами. Во всяком случае, они не считали эти «заморские» религиозные расхождения столь уже принципиальными. Однако, после того как при императорах Лебнэ-Дынгэле и Сиссинии Эфиопию наводнили португальские и испанские иезуиты, которым последний монарх откровенно покровительствовал, и когда засилье католиков при дворе и в высшей церковной иерархии стало угрожать самой самостоятельности эфиопского государства, в Эфиопии возникло сильное оппозиционное течение, направленное против попыток католиков изменить традиционный государственный уклад и местные религиозные воззрения, сохраняющие значительные пережитки дохристианских верований. В начале XVIII в., при сыне Сиссиния, императоре Фасилидэсе, иезуиты и другие католические миссионеры были частью перебиты в результате стихийно вспыхнувшего возмущения, частью же изгнаны из страны.

Как реакция на активное неприятие населением и эфиопским клиром католических миссионеров и их деятельности в Эфиопии с этого времени усиливается тяготение к восточному христианству², враждебному католицизму. Вновь укрепляются ослабевшие было связи с александрийским патриаршим престолом, устанавливаются неофициальные контакты с другими восточнохристианскими церквами, которые, несмотря на значительные внутренние расхождения, все же нередко выступали единым фронтом против шедшего в наступление католицизма. Эфиопские государи начинают поощрять въезд в страну греков и армян, массами бежавших из мусульманской Турции, спасаясь от участвовавших в XVIII—XIX вв. погромов христиан. Эта эмиграция в Эфиопию христиан из Турции явилась непосредственной предпосылкой к установлению отношений Эфиопии с Россией, которая традиционно поддерживала тесные,

в том числе и религиозные, связи с армянами и греками, проживавшими в Османской империи, и нередко выступала их покровителем и защитником.

Однако от образования предпосылок до первых контактов между русскими и эфиопскими христианами прошло еще довольно много времени. Причина этого заключалась не только в значительной удаленности России и Эфиопии друг от друга или в плотном мусульманском кордоне между ними, но и в том, что Эфиопия почти до середины XIX в. была, выражаясь словами Иммануила Канта, «вещью в себе». До самой середины прошлого столетия эта страна не являлась, если так можно выразиться, субъектом мировой истории. Так же как и большинство стран внутренней Африки, она оставалась, по существу, «терра инкогнито». Связи ее с внешним миром были весьма непрочными и эпизодическими.

Отчасти тогдашнюю Эфиопию представлял на международной арене александрийский коптский патриарх, являвшийся духовным главой эфиопских христиан, который в то же время оказывал некоторое покровительство эфиопскому монастырю в Иерусалиме. Однако представителем интересов Эфиопии и ее государей на внешнеполитической арене он был, прямо скажем, неважным. Стремясь сохранить Эфиопию под своим монопольным церковным владычеством, а эфиопскую церковь как вассальную от него епархию, он вовсе не был заинтересован в самостоятельном выходе Эфиопии на мировую арену без его посредничества. И дело здесь было не только в престиже, который ему придавал духовный сюзеренитет над этим крупным африканским государством, но и в значительных доходах, которые приносил патриарху каждый отправляемый им в Эфиопию абунэ. А для коптского патриархата, чьи источники дохода в мусульманском государстве были весьма скудными, Эфиопия представляла собой поистине золотое дно.

Впрочем, нельзя, конечно, сказать, что все эти годы Эфиопия оставалась в полной изоляции. Так, эфиопские монахи и паломники довольно регулярно посещали Иерусалим и даже образовали там небольшую, но постоянную эфиопскую общину; случалось, проникали в Эфиопию и отдельные европейские путешественники (можно упомянуть здесь шотландца Сальта или француза Роше д'Эрикура). Кроме того, и Александрийский патриарх, как ни мало был он заинтересован в том, чтобы Эфиопия завязала собственные связи с другими христианскими странами, также предпринимал кое-какие шаги в этом направлении, ибо с течением времени держать Эфиопию в изоляции становилось для него все труднее. Собственно, и в этих случаях он преследовал прежде всего свои интересы, поскольку выступал в качестве неременного посредника в таких контактах.

В особо тяжелые в политическом или финансовом отношении периоды тяготение коптской патриархии к контактам с

другими восточнохристианскими церквями значительно усиливалось. И тогда для подкрепления своего престижа копты неизменно пускали в дело главную козырную карту — Эфиопию. Надо сказать, что особо тесные отношения сложились у коптов с армяно-григорианами, которые, как и копты, были монофизитами, — а отсюда уже было рукой подать и до непосредственных контактов с Россией, которая начиная с XV—XVI вв. прочно занимала первое место среди государств, исповедующих христианство восточного толка. С падением в XV в. Византии Москва становится признанной наследницей Константинополя — «второго Рима». Военные победы России над Турцией, одержанные в конце XVII — начале XIX в., привели к безоговорочному признанию авторитета России на Востоке как единственной покровительницы всего восточного христианства. Надеясь на заступничество России, к ней потянулись не только греки, болгары, сербы и другие православные подданные султана, но и армяне, сиро-яковиты, ариане, копты и прочие последователи древнехристианских учений, объединяемые ныне под общим названием дохалкидонитов.

Уже при Иване Грозном и царе Алексее Михайловиче Московию регулярно стали посещать иерархи восточных патриархий: Антиохийской, Египетской и др., игумены Синайской обители, обращавшиеся к московским царям за денежным вспомоществованием. Благодаря этим визитам в Россию просачивались отдельные сведения об эфиопских христианах. Другим источником информации об Эфиопии стал Иерусалим — «святая столица» всего христианства и традиционное место паломничества христиан самых различных толков. Русским монахам и паломникам, приходившим поклониться «святым местам», не раз приходилось встречаться в Иерусалиме с чернокожими христианами Африки, что находило отражение в путевых заметках, оставленных некоторыми из них.

Немаловажную роль в накоплении знаний об Эфиопии в России играли также связи с Европой. В настоящее время признается, что первые достоверные и достаточно полные сведения об этой африканской стране Россия получила благодаря контактам с саксонским двором курфюрста Эрнста в конце XVII в., чьим политическим советником в то время состоял Иов Лудольф, бывший, по словам акад. И. Ю. Крачковского, «основателем научного абиссиноведения в Европе». Лудольф был одержим идеей заключения европейцами религиозно-политического союза с Эфиопией против Турции. Лучше других знакомый с Эфиопией, он предлагал свой план европейским государям от имени курфюрста Эрнста, но считал, что наиболее благоприятные шансы на успех в этом деле имеет именно Россия³. В 1674 г. Лудольф предложил своему соотечественнику Рингуберу, состоявшему переводчиком и секретарем русского посольства, передать правительству царя Алексея Михайловича «Пункты», в которых излагался приблизительный проект

установления непосредственных отношений и союза между Московской и Эфиопией. Лудольф предлагал русским направить свое посольство в Эфиопию через Персию, используя в качестве проводников армян, «тамошних жаров обыклых» [3, с. 151]. Возглавить посольство вызвался сам Рингубер, увлекшись новой идеей. Однако предлагаемый Лудольфом и Рингубером проект представлялся думным дьякам посольского приказа, и не без основания, настолько фантастическим, что от него просто отмахнулись. В тот период России явно было не до Эфиопии.

Однако уже преемник Алексея Михайловича — Петр I — проявил к Эфиопии значительно больший интерес. Озабоченный расширением внешнеполитических контактов России, занятый поисками новых, перспективных торговых путей, Петр не обошел своим вниманием и Эфиопию, тем более что у него уже имелись значительно более надежные, чем у его предшественников, сведения об этой далекой африканской стране — ведь именно по его приказу была переведена на русский язык книга Лудольфа «История Эфиопии». Однако, вероятно, одной этой книгой знания Петра об Эфиопии не ограничивались. Какие-то сведения об этой стране поступали также и от русских послов в Сиятельной Порте⁴, и из церковной переписки с восточно-христианскими патриархиями. Кроме того, для пополнения своих сведений об Эфиопии Петр мог пользоваться разнообразными устными источниками.

В этой связи хочу заметить, что мы, историки, частенько преувеличиваем неосведомленность наших предков, принимаем уровень их знаний только потому, что абсолютизируем письменные источники и подчас совершенно забываем об устной информации, которая поступала буквально отовсюду и составляла весьма значительный процент ее общего объема, если вообще не большую часть. Письменные источники, дошедшие до нас, подчас страдают неполнотой. Что же в этом удивительного? Ведь они и горели, и тонули, и терялись, и просто истлевали от времени, и специально уничтожались, когда становились неудобным свидетельством. Отыскав в архивных закромах один-другой сохранившийся документ, мы порой преувеличиваем его значение, склонны думать, что именно этот документ или эта книга сделали переворот в сознании наших предков. В данном случае мне кажется, что мы ошибаемся, когда полагаем, что до Лудольфа об Эфиопии на Руси не знали вовсе и он «открыл» для русских эту страну.

Возвращаясь к Петру I, вспомним, что в его время католические миссионеры — францисканцы, иезуиты и др. — накопили богатейшую информацию об Эфиопии и эта информация наверняка была известна не только узкому кругу избранных членов католических орденов и римской курии. Ведь информация бесполезна, если ее не использовать; когда же ее пытаются использовать, то даже в случае соблюдения строжайшей тайны она неизбежно найдет щелочки для утечки. Да и похоже, что

изгнанные из Эфиопии католики не слишком-то пытались скрывать имеющиеся у них сведения об этой стране. Во всяком случае, францисканский монах Джакомо Олледжио, которого освободил из персидской тюрьмы и отправил в 1722 г. к царю Петру русский резидент в Персии Артемий Волинский, охотно рассказал русским многое из того, что знал об Эфиопии.

В задуманном Петром русском посольстве в Эфиопии францисканцу Джакомо Олледжио отводилась весьма значительная роль. Он должен был стать и проводником, и переводчиком, и советником русского посланца. Однако миссия эта по неизвестным для нас причинам была отложена Петром⁵, а скорая смерть царя, последовавшая в 1725 г., помешала выполнению этого замысла.

Впрочем, несмотря на то что обстоятельства не позволили Петру I довести свой замысел до конца, о нем все же стало известно на Востоке. Об этом говорит тот факт, что через четверть века после смерти Петра александрийский патриарх Матфей в письме к русской императрице Елизавете Петровне упомянул о замысле ее отца⁶ и в память о нем просил исполнить просьбу эфиопских государей — негуса Иясу II и его матери императрицы Мынтыуаб (в русском написании — Марфы) — и послать им мастеровых людей разных ремесел и ученого человека духовного звания.

Однако «дщери Петровой» не по плечу и не по уму были исполинские замыслы ее отца. Она не смогла должным образом оценить предоставлявшуюся ей возможность завязать непосредственные контакты с Африкой и отмахнулась от этой просьбы, передав письмо Александрийского патриарха на рассмотрение Синода, где оно, по-видимому, и было погребено под спудом новых текущих дел. Поскольку Харлампович, историк русской церкви, нашедший упомянутое выше письмо, не обнаружил ответа на него, то, вероятнее всего, он так и не был написан.

Вообще следует признать, что у России на протяжении XVII—XVIII вв. неоднократно появлялись относительно благоприятные возможности завязать непосредственные отношения с Эфиопией и они могли быть установлены значительно раньше, чем это случилось в действительности. Советские историки-эфиописты в свое время исписали немало страниц в обоснование такого опоздания. Ведь это же своего рода феномен: при длительном и устойчивом взаимном тяготении двух стран, существовавшем как реальный фактор на протяжении почти двух веков, непосредственные контакты между Россией и Эфиопией были установлены только в конце XIX столетия.

Для объяснения этого мы ищем объективные причины, анализируем географические, политические и экономические особенности России и Эфиопии. Но среди объективных причин, среди всех этих осложняющих факторов мы почему-то не замечаем тех, которые лежат на самой поверхности: банальной

лени, нежелания начинать новое трудное дело, государственно-приказной рутинности, безынициативности, боязни нового, искони присущей российскому правящему классу. Почему Петр в своих реформах опирался на иностранцев да на выходцев из низов? Не из прихоти царской, а потому, что в своей боярско-дворянской среде опереться было не на кого. А почему первые русские академики были из крестьян и лавочников? Потому, что в XVII — начале XVIII в. только в этом низком, как тогда выражались, «подлом» сословии еще и сохранились здоровое национальное ядро, инициатива, практическая сметка, жажда знаний и открытий. Потребовался толчок Петра и, вторичный, Екатерины II, чтобы пробудить русское дворянство от спячки, заставить его перестраиваться в соответствии с духом времени. Стоит ли после этого удивляться, что дело практического сближения России с Эфиопией так долго не «шло», что оно растянулось на столетия.

Однако вернемся к письму александрийского патриарха Матфея. То, что Святейший Синод нисколько им не заинтересовался так же, впрочем, как и светские власти, свидетельствует, кроме всего прочего, и о том, что никаких прозелитских или церковно-объединительных намерений в отношении эфиопской или коптской церкви у России в тот период не было.

Эти намерения в среде русского православного духовенства впервые обнаружили лишь в 40-е годы следующего, XIX столетия, и распространение их в церковных и политических кругах было связано прежде всего с деятельностью архимандрита Порфирия Успенского. По существу, экуменистско-прозелитские идеи Успенского явились прямым следствием заметно возросшего военно-политического могущества и международного влияния России, которыми она пользовалась как в Европе, так и на Ближнем Востоке после разгрома наполеоновской Франции и своих побед над Турцией в 20—30-х годах прошлого века. Фактически эти идеи являлись религиозным политическим выражением возросших внешнеполитических амбиций российского самодержавия николаевской эпохи, претендовавшего на роль «вершителя судеб Европы» и заодно покровителя всех православных подданных султана.

В 1847 г. Порфирий Успенский, известный своими дипломатическими связями и хорошим знанием Ближнего Востока, предложил Синоду проект создания в Иерусалиме русской православной духовной миссии. Этот проект в высших государственных и духовных сферах был встречен одобрительно. 11 февраля 1847 г. Николай I подписал его. Первым главой миссии по совместному предложению Синода и министерства иностранных дел стал сам автор проекта. Официально духовная миссия должна была помогать русским паломникам, оказывать покровительство православным подданным на территории Турции, опекать церковные школы и иконописную мастерскую, которые Порфирий намеревался там создать.

Задачи и сами по себе немалые, однако Порфирий Успенский поставил перед своей миссией почти с самого начала и еще одну, куда более широкомасштабную и амбициозную цель — постепенно подготовить объединение всех древнехристианских церквей с греко-русской православной церковью под эгидой России. В Иерусалиме он много занимается изучением религиозной догматики и обрядов древнехристианских церквей. В частности, сравнивая догматику и обрядность коптской церкви с православием, Порфирий находит их различия не столь существенными, чтобы они стали серьезным препятствием к сближению. Зондируя почву для осуществления своих объединительных планов, архимандрит устанавливает довольно тесные контакты с коптской церковной верхушкой, некоторые представители которой относились, по его мнению, к идее подобного объединения весьма сочувственно, ибо авторитет России на Ближнем Востоке был в 40-х — начале 50-х годов почти непререкаем. Для той части коптского духовенства, которая склонялась к церковному союзу, определяющим мотивом подобного шага были, безусловно, соображения политической и материальной стабильности, которая подвергалась угрозе в условиях мусульманского владычества и при сравнительно небольшом числе приверженцев коптской церкви в самом Египте.

В этот период довольно тесных контактов с коптской церковной иерархией Порфирий впервые обращает внимание на эфиопов как духовных подданных коптского патриарха. Он старается побольше узнать об Эфиопии, о ее государственном и церковном устройстве, знакомится с эфиопскими богослужебными книгами и вступает в непосредственный контакт с монахами эфиопской иерусалимской обители. Наблюдая эфиопскую литургию, расспрашивая монахов о символе веры и культуре местных святых, он черпает, кроме того, сведения о государственном устройстве этой страны, бытовой и культово-религиозной жизни ее населения. Дополнительные сведения об Эфиопии он получает из бесед с англиканским епископом Гоба, проведшим около трех лет во главе англиканской миссии в Эфиопии.

Можно смело утверждать, что в начале 50-х годов Порфирий Успенский располагал по сравнению с другими представителями России на Востоке самыми полными, точными и достоверными сведениями об Эфиопии. Эти сведения он обобщил в ряде работ как богословского, так и историко-политического содержания. Вот некоторые из них: «Вероучение, богослужение, чиноположение и правила церковного благочиния египетских христиан (коптов)» (1856 г.); «Чин крещения и миропомазания в эфиопском Требнике» (1869 г.); «Церковное и политическое состояние Абиссинии с древнейших времен до наших дней» (1866 г.) и работа уже чисто политического характера — «Участие России в судьбе Абиссинии» (1866 г.).

Изучая эфиопскую церковь и ее отношения с коптским пат-

риархатом, Порфирий сделал заключение, что эфиопы, особенно светские правящие круги во главе с императором Федором (Теодросом II), тяготятся своей церковной зависимостью от Александрийского коптского патриарха. Учитывая это обстоятельство, он приходит к выводу, что войти в прямой контакт с эфиопами России было бы удобнее самостоятельно, не прибегая в этом случае к довольно сомнительному с точки зрения успеха посредничеству коптского патриарха, который тем ревнивее оберегал свои монопольные права духовного сюзерена, чем сильнее было стремление эфиопской церкви к автокефалии.

Действовать в этом направлении Порфирий предполагал через Синайскую обитель, которая в отличие от других православных епархий и монастырей Ближнего Востока обладала для этого, по его мнению, рядом неоспоримых преимуществ. В 1851 г. в письме российскому генеральному консулу в Иерусалиме он писал: «Недаром она (Синайская обитель.— А. Х.) стоит на рубеже Африки и Азии. Из нее со временем может пролиться свет Православия в царство Абиссинское... где некогда прославилось имя Христово. Нигде, кроме сей обители, нет лучшего места, как для учреждения училища благовестников, должествующих воскресить Православие в Египте, Абиссинии и далее, так и для принятия и руководства иноков из этих стран» [7, с. 356].

Указывая на Синайскую обитель как на «исходную точку для... действий во славу Божию», Порфирий имел в виду то обстоятельство, что Синайский монастырь в течение нескольких столетий поддерживал тесные отношения с Россией, получая оттуда регулярно щедрые пожертвования, а также традиционную связь этой обители с Африканским материком, о чем свидетельствовали, по мнению Успенского, изображения чернокожих святых на старинных росписях синайских церквей. «В Синайском монастыре,— писал он,— открыты мною святые образа негров, которых черные лики татуированы. Очевидно, что туда приходили богомолствовать эти христиане из Африки и с островов Тихого океана (имеется в виду, конечно, Индийский океан.— А. Х.), где их видел Козьма Индикоплаватель в конце V или в начале VI века» [7, с. 314].

Таким образом, само географическое положение Синайской обители и ее тесные традиционные связи как с Россией, так и с Африкой превращали, по мнению Порфирия Успенского, этот отдаленный православный монастырь в весьма удобную базу для подготовки распространения православия в глубь Африканского материка. «На Абиссинию,— писал он в 1851 г. своему духовному начальству,— надобно бы нам обратить внимание и начать влияние на нее посредством Синайской обители. Ибо в тамошней стране есть исходная точка для наших действий во славу Божию и в пользу Святого Православия» [7, с. 334].

Порфирий был даже готов сам сделать первый шаг для

сближения с эфиопским клиром, о чем говорит его намерение посетить вместе с монахом Синайской обители Иосифом в 1850 г. Эфиопию, с тем чтобы «устроить духовное тамошнее православное общество и положить ту закваску, которой в Евангелии уподобляется распространяющееся Царство Божие или, что то же, Церковь Православная» [7, с. 385].

Однако поездка эта не состоялась. Архимандрит Августин, доцент Ленинградской духовной академии, в своей статье «Епископ Порфирий (Успенский) и Древние Восточные Церкви» объясняет это тем, что «Синайский Архиепископ Константин не благословил иеромонаха Иосифа на поездку в Эфиопию, а предпринимать такое длинное и опасное путешествие без спутника отец Порфирий не решился» [6, с. 73, 74]. Не оспаривая мнение уважаемого архимандрита Августина, позволим себе, однако, высказать мысль, что подобная причина отказа Порфирия от поездки в Эфиопию представляется слишком незначительной и потому малоубедительной. Вероятнее всего, истинной причиной было отрицательное отношение российского Святейшего Синода к этой поездке, так как она была связана со значительными финансовыми ассигнованиями и с длительным отсутствием главы русской духовной миссии в Иерусалиме на своем посту, а в связи с обострением в начале 50-х годов русско-турецкого дипломатического конфликта (из-за «святых мест» и права российского покровительства православным в Турции) он был нужен именно там.

Вынашивая мысль о поездке в Эфиопию и мечтая завязать непосредственные контакты с эфиопской церковью, Порфирий в то же время продолжал укреплять личные контакты с коптской церковной верхушкой. Эти контакты продолжались до самого начала Крымской войны (1854—1856), с началом которой Порфирий Успенский был вынужден покинуть Иерусалим.

Между тем как попытки Порфирия Успенского и его преемника епископа Кирилла Мелитопольского, по окончании войны вновь вернуться к вопросу установления церковно-политических контактов с Эфиопией потерпели неудачу, не встретив поддержки министерства иностранных дел, в самой Эфиопии все больше росло стремление к установлению связей с Россией.

Едва окончился период внутренних смут, последовавших за англо-эфиопской войной 1867—1868 гг. и смертью Теодороса II, на престоле прочно воцарился император Йоханнес IV. Он, несмотря на многими его современниками отмечаемую нелюбовь к иностранцам и на склонность к изоляционизму во внешней политике, уже в первый год своего правления (1872 г.), как на то указывают сохранившиеся в архивах документы, принял попытку вступить в непосредственный контакт с Россией, направляя туда вместе с письмом Александру II серебряный с позолотой эфиопский крест и прося российского императора «о покровительстве и назначении русского консула в Абиссинию» [1, д. 806, л. 87 об]. Однако Александр II ограничился

тем, что через посредство российского консула в Иерусалиме⁷ «изволил приказать словесно ответить для сообщения Королю Иоанну о несвоевременности назначения консула в Абиссинию» [1, д. 806, л. 88].

Через шесть лет Иоханнис повторил попытку установить контакты с Россией, вновь отправив письмо российскому императору. Однако на этот раз из России вообще не последовало никакого ответа.

Исследователи до сих пор задаются вопросом о том, какой смысл нес в себе такой символический дар эфиопского императора, как крест. Многие говорят за то, что этот крест означал готовность Иоханниса пойти на религиозное сближение или даже церковную унию с Россией. Известно, что с 1870-х годов отношения Эфиопии с Египтом были весьма напряженными. Иоханнису IV дважды пришлось отражать агрессивные вылазки войск египетского хедива с севера. Политическая и военная напряженность между двумя соседними государствами породила и религиозные проблемы. Хедив, желая «наказать» эфиопов, вмешался в религиозные отношения между коптским патриархатом и эфиопской церковью и запретил патриарху назначить нового митрополита в Эфиопию взамен умершего. Очевидно, обращение Иоханниса IV к России было попыткой переориентироваться с Египта на Россию, т. е. впредь получать митрополита (абунэ) из России, а не из Египта [12, с. 342].

Интересно отметить, что шаги в этом направлении предпринимались не только самим эфиопским императором, но тайком от него и его вассалами, прежде всего самым могущественным и непокорным вассалом Иоханниса — шоанским негусом Менеликом, который сам претендовал на корону императоров Эфиопии и подчас старался вести независимую от Иоханниса внешнюю политику. Выход Менелика на прямые политические и религиозные контакты с Россией, популярность которой среди эфиопов была довольно высока, усилил бы позиции Менелика в борьбе за императорскую корону.

В 1877 г., пользуясь отсутствием в Эфиопии уже длительное время верховного церковного владыки и готовясь выступить против Иоханниса и короноваться в качестве самостоятельного правителя области Шоа, а возможно, и всей Эфиопии [11, с. 57], Менелик, как позволяют предположить весьма интересные документы, находящиеся в архивах МИД и Святейшего Синода, сделал попытку вступить в прямые контакты с Россией. Он направил письмо, в котором просил российский Синод прислать церковного иерарха «для занятия епископальной кафедры» в Анкобере (тогдашней столице Шоа). Попытка эта не нашла отклика в России, которая в тот момент была занята войной с Турцией (1877—1878), что не позволяло своевременно проверить (из-за отсутствия российских дипломатических представителей на Ближнем Востоке⁸) достоверность полученного письма и сообщенных в нем сведений о якобы уже

одержанной победе «короля Менелика» над «королем Иоанном Касой» [10, ф. 797, оп. 48, л. 2, 3], относительно правдоподобия которых российский МИД высказал сильное сомнение [10, ф. 797, оп. 48, д. 41, л. 10].

Насколько актуальным был в тот период для Эфиопии вопрос о первосвященнике, указывает и свидетельство терского казака Н. И. Ашинова, посетившего в 1884—1885 гг. северные районы Эфиопии и проведшего более месяца в гостях у ближайшего сподвижника Йоханнуса IV, раса Алулу⁹. Одной из просьб, с которой обратился к Ашинову рас Алулу, очевидно признавая казака за официальное лицо, пользующееся доверием русского правительства, была просьба о посвящении в России нескольких епископов для Эфиопии.

Надо сказать, что затруднительными обстоятельствами, в которых оказались Эфиопия и ее церковь, некоторые церковные и клерикальные круги России попытались воспользоваться в своих целях. Желание эфиопов иметь во главе своей церкви епископов, присланных российским Синодом, сочли в этих кругах благоприятным поводом вернуться к планам Порфирия Успенского. В 1887—1888 гг. в России формируется и готовится к отправлению в Эфиопию так называемая русская духовная миссия, перед которой ставились откровенно миссионерские, прозелитские задачи. Инициатором этой затеи становится тот же Н. И. Ашинов. Несмотря на весьма сомнительную репутацию этого «деятеля», выдававшего себя и в Турции, и в Эфиопии за «командированного от Высочайшего Имени» [9, ф. 102, д. 598, т. 1, л. 37; 10, ф. 797, оп. 58, д. 180, л. 23], ряд высших государственных чиновников и иерархов русской православной церкви, включая митрополита Санкт-Петербургского и Новгородского Исидора и небезызвестного обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева, сочли возможным поддержать идею духовной миссии. Близкая к этим кругам влиятельная петербургская газета «Новое время» следующим образом выразила свое отношение к затее Ашинова: «Что Ашинов авантюрист, которого надо держать в ежовых рукавицах и не очень полагаться на его уверения,— это, кажется, всем давно известно... Мы, однако, никогда не смешили Ашинова и его подчиненных с миссией арх. Паисия¹⁰... Ашинов дал только толчок делу, которое давно уже, еще в 50-х годах, было задумано арх. Порфирием, начальником русской духовной миссии в Иерусалиме, но тогда не устроилось и было забыто на тридцать лет. Теперь Абиссиния приобретает огромное значение благодаря своему положению близ главной морской дороги между Европой и Азией, и, не будь Ашинова, нам и без него давно следовало бы сблизиться с этой единоверной нам страной, на которую разгорелись аппетиты у стольких народов Западной Европы» [8, 21.12.1988].

Однако, несмотря на сильное лобби, которое активно действовало в пользу Ашинова и его замыслов в околоправитель-

ственных и даже в правительственных сферах, где порой личные амбиции одних совпадали с узковедомственными интересами других, сколько-нибудь серьезной поддержки со стороны российского правительства затея Ашинова не получила, что и предопределило в итоге ее провал. Наиболее резко против Ашинова и его миссионерско-колониальных планов в Африке выступило министерство иностранных дел. Опасаясь нежелательных последствий африканской авантюры Ашинова для первостепенных целей России в Юго-Восточной Европе, министр иностранных дел Н. К. Гирс приложил немало усилий, чтобы сорвать отправление в Эфиопию пресловутой духовной миссии. В конце концов ему удалось удержать военное и морское министерства, которых привлекала перспектива воспользоваться услугами Ашинова для приобретения Россией якорной стоянки и угольной станции на Красном море, от оказания материальной помощи «вольному казаку»¹¹; тем не менее Ашинов отправился со своими сподвижниками в Африку частным порядком, за свой собственный счет.

Столкнувшись с первыми же трудностями на африканском берегу, духовная миссия, сформированная из самых разнородных элементов, начала разваливаться из-за внутренних раздоров. Кроме того, появление русских на красноморском берегу Африки, в непосредственной близости от французской колонии Обок, всполошило французскую администрацию, которая увидела в православной духовной миссии опасного конкурента в борьбе за контроль над местными сомалийскими и данакильскими племенами. Дело кончилось тем, что через три недели после высадки в Таджурском заливе лагерь русской миссии был подвергнут бомбардировке с французских военных кораблей, а ее члены интернированы и переданы на борт русского судна. Русское же правительство, заранее предупредившее заинтересованные державы в том, что оно не принимает участия в этом предприятии и не несет ответственности за его возможные последствия, возложило всю вину за этот инцидент на Ашинова. Так бесславно завершилась еще одна попытка установления русско-эфиопских религиозных контактов.

Провал ашиновского замысла и весьма двусмысленная позиция, которую заняло в деле эфиопской духовной миссии российское правительство, значительно охладили пыл как светских, так и церковных сторонников объединения эфиопской церкви с православием. В дальнейшем сколько-нибудь широко-масштабных попыток, подобных ашиновской уже не предпринималось. Дело ограничивалось лишь осторожным зондированием почвы. Но отдаленность Эфиопии и труднодоступность ее для широкого проникновения миссионеров обусловили более чем скромные результаты подобных попыток. В этой связи стоит вспомнить неудачную попытку отца Тихона, который, будучи послан в 1891 г. в Эфиопию в составе экспедиции поручика Машкова для специального изучения религиозных догматов

и обрядов эфиопов и определения их близости к православию, вернулся назад, не достигнув Эфиопии, убоявшись трудного пути через пустыню.

В 1894—1895 гг. в составе экспедиции Русского географического общества, во главе которой стояли известные путешественники А. В. Елисеев и Н. С. Леонтьев, в Эфиопии побывал иеромонах Ефрем, которому в отличие от его предшественника Тихона удалось установить первые, правда весьма скромные, контакты с эфиопским клиром. Впрочем, они не имели никакого продолжения, если не считать включения в первое эфиопское посольство, направленное в Россию в 1895 г. Менеликом II, харэрского епископа Гэбрэ-Эгзиабхэра будто бы «для выяснения возможности сближения Абиссинской церкви с православием» [1, д. 833, л. 56]. Однако, как показывают результаты этой дипломатической миссии, вопросы церковного единения в ходе визита не рассматривались вовсе, и присутствие в составе эфиопского посольства высокого духовного лица имело скорее номинальное и декоративное значение, как и многочисленные торжественные богослужения, устраиваемые в честь эфиопского посольства в петербургских и московских храмах.

В то же время следует признать, что, несмотря на довольно вялые шаги церковных кругов обеих стран в этом направлении, вопрос о возможном сближении и воссоединении русской и эфиопской церковью никогда не снимался окончательно с повестки дня. Время от времени об этой идее вспоминали вновь, и можно сказать, что она постоянно подспудно присутствовала в речах, а то и в практических действиях как российских, так и эфиопских официальных лиц, в прессе и в дневниках русских путешественников по Эфиопии. Причем, хотя это может показаться неожиданным и странным, наибольший интерес к возможности церковного единения проявляли и в России, и в Эфиопии не церковные деятели обеих стран, а лица сугубо светские, принадлежавшие, как правило, к политическим или военным кругам. Именно они в первую очередь поднимали в прессе эти вопросы, вынося их на суд общественного мнения, и лишь затем в дело приходилось вступать церковникам, причем их выступления чаще были направлены на то, чтобы охладить неумеренный пыл светских клерикалов и радетелей православия.

Постараемся повнимательнее взглянуть в это на первый взгляд парадоксальное явление.

Решение вопроса о сближении и возможном последующем объединении двух восточнохристианских церковью рассматривалось его сторонниками в тесной связи с общей перспективой русско-эфиопского политического сближения. Относительно его целесообразности, так же как и относительно российской политики в отношении Африки в целом, в петербургских правящих кругах не было единого мнения, и этот вопрос вплоть до нача-

ла первой мировой войны оставался предметом ожесточенных споров на страницах российской печати.

Поскольку Африка никогда не была сферой экономических интересов России, внимание к ней имело неустойчивый, конъюнктурный характер. То же самое можно сказать и о характере религиозных контактов с христианами Африки, прежде всего с эфиопами и коптами. Отсутствие определенной и, самое главное, преемственной политической программы в отношении Африки обусловило спорадичность и вялость религиозных контактов.

Сторонники активной африканской политики заявили о себе в России лишь во второй половине XIX в., после ввода в строй Суэцкого канала и особенно после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и начавшегося колониального раздела Красноморского побережья Африки, после захвата в 1882 г. Англией Египта. В их планах Эфиопии уделялось преобладающее внимание. Самые активные из них выступали за политический и даже военный союз с Эфиопией, конечно же, под эгидой России. Причем направлен этот союз должен был быть против Великобритании — главной соперницы царской России на Востоке.

Сторонники военно-политического союза с Эфиопией рассматривали религиозное сближение двух церквей на почве православия как необходимую предпосылку, как наилучший трамплин для постепенного превращения Эфиопии в послушного союзника, а то и вассала России в Африке. Однако, для того чтобы начать движение в направлении такого сближения, необходимо было сначала освободить эфиопскую церковь из-под зависимости коптского патриархата, предоставив ей автокефалию. Эта задача отвечала интересам и самой Эфиопии.

Стремления эфиопской церкви к независимости от Александрийского патриарха, поддерживаемые светской властью, особенно усилились после итало-эфиопской войны 1895—1896 гг., в которой Эфиопия отстояла свой государственный суверенитет. Теперь настала пора подумать и о суверенитете церковном. Эфиопскую церковь все менее устраивали ее полуданнические отношения с коптским патриархатом. Эфиопскую общину в Иерусалиме также стесняла зависимость от ее «покровителей» в Святой земле — армяно-григориан и коптов.

В 1897 г. российский генеральный консул в Каире А. И. Кояндер доносил в Петербург: «Походящим сюда слухам, нынешний Глава Коптской церкви не пользуется в Абиссинии престижем и популярностью, и в среде тамошнего духовенства замечается даже стремление совершенно порвать узы, связывающие его с пребывающим в мусульманской стране и находящимся под влиянием иноверцев Патриархом» [1, д. 140, л. 78 об., 79].

Наметившуюся в Эфиопии тенденцию к независимости в церковных делах усиливал конфликт между эфиопскими и коптскими монахами из-за святых мест в Иерусалиме, обострив-

шийся после окончания итало-эфиопской войны. Эфиопы настаивали на возвращении им некоторых земельных участков и строений при храме Гроба Господня, захваченных в прежние времена коптами под предлогом покровительства бедной эфиопской общине. О существовании этого спора генеральный консул в Иерусалиме Яковлев писал в Петербург в декабре 1896 г. следующее: «Следы о пребывании Абиссинцев в Святой Земле и об их правах и владениях теряются в глубокой древности. Все это подробно обозначено в летописи, которую они непрерывно ведут, по их словам, с Рождества Христова до сего времени. Судя по извлечениям из нее, которые они мне дали во время моего управления Генеральным Консульством в Иерусалиме в 1894—5 г., первое появление их в Иерусалиме восходит до IV в. В то время Св. Царица Елена, построив храм над Св. Гробом Господним, дала западную часть его Православным, а северную вместе с пещерою Обретения Св. Креста — Абиссинцам. Тогда же эти последние построили для себя и монастырь, именуемый Дейр-ес-Султан. По завоевании Иерусалима Султан Омар (халиф Омар.— А. Х.)... сохранил права духовенства... выдал в 636 г. особый фирман Софронию, Патриарху Иерусалимскому. В нем, между прочими народностями, упоминаются Абиссинцы... В 1639 г. в Иерусалиме появились копты. Желая иметь влияние, они начали притеснять самых слабых представителей духовенства, а именно Абиссинцев. Они сожгли их монастырь, библиотеку и Церковь (Св. Апостолов.— А. Х.) и разграбили все имущество. Затем примеру Коптов следовали Армяне, а также, я полагаю, Католики и Православные» [1, д. 138, л. 127, 128 об].

Эфиопское духовенство и лично император Менелик II прилагали значительные усилия, чтобы достигнуть компромисса в споре из-за святых мест и добиться возвращения хотя бы части захваченных у них в Иерусалиме другими церковными общинами владений. Однако это им не удалось. Кроме того что сам вопрос о правах на те или иные строения Святого града оказался чрезвычайно сложным и запутанным, дело для эфиопских монахов осложнялось еще и хроническим недостатком денежных средств и опыта, которых требовала подобная тяжба. Немногочисленная и бедная эфиопская община в Иерусалиме, несмотря на оказанную ей Менеликом II поддержку, не смогла на равных тягаться с богатыми и влиятельными общинами коптов и армян. Ее претензии турецкие власти Иерусалима отклонили.

В 1896—1897 гг. иерусалимские эфиопы, не признавая свой спор с коптами и армянами из-за святых мест окончанным, обратились за помощью в российское генеральное консульство в Иерусалиме, которое и прежде неоднократно оказывало таинственным эфиопским монахам некоторое неофициальное покровительство. Теперь же они просили официального покровительства. Можно с уверенностью утверждать, что этот шаг был

ими сделан с ведома и одобрения императора Менелика II.

Обращение за помощью именно к России было, конечно, не случайным. Благожелательная позиция, занятая Россией по отношению к Эфиопии во время итало-эфиопской войны, помощь, оказанная ей поставками оружия и отправкой врачей, давали Менелику право рассчитывать на то, что и в данном случае Россия не оставит эфиопов без поддержки. Эту надежду поддерживал в Менелике и известный русский путешественник Н. С. Леонтьев, активно выступавший за военно-политическое и религиозное сближение России с Эфиопией и пользовавшийся одно время исключительным доверием эфиопского императора.

Секретарю Менелика II ато Иосифу, направленному эфиопским императором в 1897 г. со специальной миссией в Россию и Турцию, было поручено, среди всего прочего, затронуть в Петербурге и Константинополе вопрос о положении и правах эфиопских монахов Иерусалима и, в частности, просить российское правительство «помочь изъять» эфиопский монастырь «из-под покровительства Армянской Патриархии и поставить его под покровительство русской Духовной Миссии» [1, д. 133, л. 118].

Дальнейшие события развивались, правда, не совсем по сценарию Менелика и Леонтьева, но в целом в направлении, благоприятном для Эфиопии. Рассмотрев просьбу Менелика, в Петербурге решили, однако, действовать более осторожно, находя для начала достаточным «разрешить вопрос в том смысле, чтобы абиссинский монастырь в Иерусалиме был поставлен в независимое от какой-либо иной духовной власти положение и поступил в непосредственные отношения к Турецким властям» [1, д. 133, л. 113 об.]. Российское генеральное консульство в Иерусалиме отклонило ходатайство эфиопских монахов об официальном покровительстве, считая этот шаг в данный момент несвоевременным, однако оно подтвердило свою готовность оказывать, как и прежде, покровительство неофициальное, в том числе и в споре с коптами. Признавая не совсем удобным для России предлагать свое официальное покровительство эфиопским монахам, что нарушило бы установленный в Иерусалиме статус-кво и, возможно, было бы истолковано другими державами «в смысле протектората над Абиссинией» [3, с. 141], российский посол в Турции А. И. Нелидов направил министерству иностранных дел компромиссный проект урегулирования вопроса, предложенный Яковлевым и согласованный с посланцем Менелика ато Иосифом и настоятелем эфиопского монастыря в Иерусалиме аббей Гийоргисом.

В предлагаемом проекте Яковлев писал, что для улучшения положения эфиопских монахов в Иерусалиме следует на первых порах «остановиться на следующем:

1) надо, чтобы главою Абиссинских монахов в Турции был назначен природный Абиссинец в сане Епископа и чтобы он

и его подчиненные получали бы ежегодную денежную помощь от своего Правительства;

2) чтобы Султан разрешил этому Епископу официально и везде ходатайствовать о нуждах абиссинских монахов по делам религиозным и касательно святынь, независимо от Армянской Патриархии...

3) надо, чтобы этот Епископ имел непременно своего Капукехая (представителя, ходатая.— А. Х.) в Константинополе;

4) надо, чтобы Султан разрешил им возвести... постройки на террасе пещеры Обретения Креста вместо нынешних маза-нок, представляющих собою Абиссинский монастырь;

5) надо им возратить отнятую коптами в 1894 г. церковь во 2-м этаже храма Гроба Господня...

6) надо разобрать их права на то, что им вероятно принадлежало ранее этого при различных святынях, и возратить то, что будет найдено возможным;

7) назначить время церковного служения у тех святынь, где они ныне служат только одновременно с Армянами».

«Я полагаю,— писал в заключение Яковлев,— что в нынешнюю историческую минуту не особенно трудно улучшить судьбу Абиссинцев, которые после своих побед над Итальянцами желают завязать сношения с Европою» [1, д. 133, л. 134].

Присоединяясь к высказанным Яковлевым предложениям относительно улучшения положения эфиопских монахов, А. И. Нелидов сообщал, что проект этот был представлен лично Султану и тот обещал «сделать все возможное и в той форме, которая будет наиболее приятна... Императору Эфиопии». Следить за ходом дела в Константинополе русское посольство поручило Яковлеву [1, д. 133, л. 136 об]. Генеральному консульству в Иерусалиме было в то же время поручено «следить за делом на месте», причем Нелидов счел необходимым указать генеральному консулу Арсеньеву на то, что «вопрос этот жгучий, а потому во избежание подозрений со стороны Католиков и Православной (Греческой.— А. Х.) Патриархии,— мы должны держаться в тени и не выступать на первый план, помогая Абиссинцам» [1, д. 133, л. 137].

Надо признать, что проект Яковлева—Нелидова был весьма радикальным и в случае его осуществления в полном объеме явился бы значительным шагом на пути укрепления церковной независимости Эфиопии, однако дело застопорилось как из-за противодействия коптской, армяно-григорианской и итало-католической церковных общин Иерусалима, так и из-за неподготовленности почвы в самой Эфиопии к подобному коренному изменению статуса своей монашеской иерархии в Святом граде. Поэтому реформы осуществлялись медленно, но поскольку их успех в целом отвечал интересам всех трех заинтересованных сторон: Эфиопии, России и даже турецкого правительства, которое, как отмечал русский посол, «по-видимому, очень рассчи-

тывает на помощь Абиссинии в Африканских делах» [1, д. 133, л. 137], то все же в течение последующих 10 лет эти реформы частично были проведены, и положение эфиопских монахов улучшилось. Этому во многом способствовала позиция России, чье содействие выразилось в дипломатической поддержке, неуклонно оказываемой российскими представителями в деле возвращения Эфиопии принадлежавших ей ранее святынь.

В конце 1906 г. был достигнут первый крупный успех: старинный эфиопский храм Дейр-эс-Султан — главный объект притязаний эфиопов — особым ираде (указом) султана Абдул-Хамида был возвращен им. Этому успеху Эфиопия была обязана не только дипломатической поддержке России, но и деятельности русского подданного Н. Н. Шедевра¹², на которой хотелось бы остановиться более подробно. Этому отставному русскому офицеру Менелик поручил розыск документов, доказывающих права эфиопов на их прежние владения в Иерусалиме, после того как две дипломатические миссии: 1902 г. (абунэ Матеоса) и 1904 г. (деджазмача Мэшэши), посланные эфиопским императором на Ближний Восток для урегулирования спора с коптами, потерпели неудачу за недоказанностью эфиопских притязаний. Так, российский генеральный консул в Каире В. А. Максимов, сообщая о неудаче миссии деджазмача Мэшэши, писал: «Копты не поступятся своими правами. На главный спорный участок, который составляет монастырь Дейр-эс-Султан, по словам Министра Иностранных Дел (Египта. — А. Х.), копты имеют владетельные грамоты 17-го века... между тем как абиссинцы основывают свои домогательства на весьма сомнительных легендах, из которых одна даже будто бы утверждает, что участок, на котором находится спорный монастырь, преподнесен еще Соломоном царице Савской» [1, д. 164, л. 10 об., 11].

В 1905 г. Шедевр приступил к поискам в архивах Константинополя, Иерусалима, Александрии, Джидды. Довольно скоро ему повезло. В 1906 г. с помощью турецких архивариусов он обнаружил и выкупил подлинный фирман халифа Омара, захватившего в VII в. Иерусалим и закрепившего как новый владетель Святого града за эфиопами принадлежавшие им права на храм Дейр-эс-Султан. Шедевр заплатил за этот фирман паше, заведовавшему архивом Блистательной Порты, огромную по тем временам сумму — 2500 ф. ст. Кроме этого фирмана Н. Н. Шедевром было найдено еще четыре подлинника, подтверждавших права эфиопов на различные строения, входящие в комплекс храма Гроба Господня. Непосредственным результатом этих находок и явилась упомянутая передача храма Дейр-эс-Султан эфиопам. Успех архивных изысканий Шедевра был высоко оценен императором Менеликом. Шедевр был награжден орденом «Эфиопской Звезды» 2-й степени и получил от Менелика золотой щит, двух мулов с серебряными седлами и четыре концессии на разработку золота и др. Обрадованный

успехом, Менелик высказался за продолжение Шедевром его поисков, в результате чего в течение семи последующих лет, вплоть до 1913 г., Шедевром было найдено еще 18 документов — ирадэ, указов, фирманов халифов, хедивов и султанов, утверждавших права на владения эфиопов в Святой земле [2, разд. III, оп. 1, д. 34, л. 6].

Архивными изысканиями Н. Н. Шедевра заинтересовалось и российское Православное палестинское общество. Одной из задач, которую ставила перед собой эта религиозно-благотворительная организация с политическим уклоном, было приобретение земельных участков и культовых строений в Иерусалиме. Общество предложило Шедевру свое финансовое содействие.

Деятельность Шедевра по поиску документов вызвала, таким образом, перекрестный интерес, причем роли заинтересованных сторон распределились следующим образом.

Менелик, как уже отмечалось, был очень заинтересован в продолжении работы Шедевра, но дальнейшее выделение значительных наличных средств, необходимых на розыск, выкуп и экспертизу документов, становилось обременительным для скудной эфиопской казны. Все, что мог предложить эфиопский император Шедевру, — это концессии на добычу золота, однако разработки золотоносных участков, для того чтобы приносить доход, также, в свою очередь, нуждались в капиталовложениях, которых у Шедевра не было. Чтобы обеспечить себя необходимыми средствами на продолжение поисков, Шедевр передал права на разработку принадлежащих ему концессий александрийскому банку Зервудаки, который вскоре полностью приобрел дело к своим рукам, оставив Шедевра без средств и без концессий. Именно тогда, надо полагать, и начались регулярные контакты Шедевра с Православным палестинским обществом — российской неправительственной организацией, официально объявлявшей своей целью покровительство русским паломникам в Святой земле, а «попутно» активно работавшей для укрепления влияния России на Ближнем Востоке.

Православное палестинское общество, возглавляемое одним из наиболее влиятельных русских великих князей, дядей императора Николая II Сергеем Александровичем, не испытывало стеснений в финансовых средствах и охотно пошло навстречу Шедевру, естественно не забыв при этом и о своих интересах.

Отныне Шедевр регулярно стал получать от Палестинского православного общества довольно значительные суммы, необходимые ему для продолжения своей деятельности, а главное — для приобретения нужных документов, что нередко требовало серьезных трат в качестве «благодарности» различным турецким чиновникам в ответ на оказываемые ими услуги.

Однако, предлагая Шедевру свою помощь, Палестинское общество поставило условием, что одна из святынь, права абиссинцев на которую будут документально доказаны Шедевром,

должна стать собственностью общества. Менелик, которого Шедевр поставил в известность об этих условиях, охотно согласился на них. В 1910 г. между Менеликом II и Шедевром состоялось соглашение, по которому Россия получала право на одну из часовен, которые должны были перейти к эфиопам на основании документов, найденных Н. Н. Шедевром. От имени Менелика соглашение подписал секретарь эфиопского негуса грек Афанасий Сурис [2, разд. III, оп. 1, д. 34, л. 158]. С 1907 по 1913 г. Шедевру удалось найти владельческие документы еще на семь различных культовых мест и пристроек к храму Гроба Господня, которые ранее принадлежали эфиопским монахам.

В январе 1914 г. при новом эфиопском императоре, Лидже Иясу, упомянутый договор между эфиопским правительством и Шедевром после обстоятельного отчета последнего Совету короны о своих находках в Иерусалиме вновь был подтвержден. Причем по соглашению 1914 г. уже не одна, а две часовни должны были перейти к России в случае успеха всего дела [2, разд. III, оп. 1, д. 34, л. 168].

Шедевр старался по возможности уладить конфликт эфиопов с коптами мирным путем. Есть сведения, что к концу 1913 г. ему удалось получить от сторон принципиальное согласие на следующую договоренность: храм Дейр-эс-Султан признавался собственностью эфиопов, из семи других владений, принадлежащих им на основании найденных документов, три они «добровольно, официальным актом уступают коптам, а четыре — возвращаются в их собственность», из которых две часовни при храме Воскресения передаются «в дар Российскому Императору» [2, разд. III, оп. 1, д. 34, л. 6].

С весны 1914 г. в Аддис-Абебе готовилась к отправлению в Россию чрезвычайная дипломатическая миссия. Среди ее многих задач едва ли не самой главной было получить согласие российского императора быть посредником в переговорах с турецким правительством и поддержать законные права эфиопов на оспариваемые ими владения. Миссии поручалось также доставить российскому императору Николаю II от правителя Эфиопии Лиджа Иясу дарственную на две упомянутые выше часовни при храме Воскресения. Во главе миссии был поставлен один из наиболее «пруссских» членов эфиопского правительства, родственник императора Менелика II кантиба Уольде Цадык.

Шедевр принимал самое деятельное участие в подготовке этой миссии, составлял проекты кабинетных и прочих официальных писем, которые должны были быть вручены посольством Николаю II, турецкому султану Магometу V, многим русским и турецким членам правительства от их эфиопских визави.

Однако миссии этой так и не суждено было состояться. Буквально накануне ее отправления из Аддис-Абебы пришло

сообщение о начале в Европе первой мировой войны. В состоянии войны друг с другом оказались и Россия с Турцией, и теперь эфиопам не приходилось ожидать успеха российского правительства в делах, касающихся Иерусалима, по крайней мере до окончания войны.

Столь резкий поворот событий оказался неожиданным как для эфиопского правительства, так и для самого Шедевра. Через год, в августе 1915 г., когда всем стало ясно, что война затягивается и ее близкого конца не предвидится, эфиопские правящие круги стали испытывать беспокойство за судьбу своих владений в Иерусалиме и документов на них, которые все еще находились в руках Н. Н. Шедевра. В Эфиопии имели весьма серьезные основания опасаться, что Турция потерпит поражение в войне и утратит свою власть над Палестиной и Иерусалимом, и тогда эфиопам придется иметь дело с новыми хозяевами Святой земли. Шедевр предполагал, что скорее всего этими новыми хозяевами станут англичане, которые, весьма вероятно, решат спор в пользу коптов, которым они покровительствовали, стараясь привлечь их на свою сторону в египетских делах.

В этих условиях в эфиопских правящих кругах всерьез стала обсуждаться мысль воспользоваться затруднительным военным положением Турции, с тем чтобы немедленно потребовать от нее передачи спорных владений Эфиопии, угрожая в противном случае вторжением эфиопских войск на Аравийский полуостров и военной диверсией против исламских святынь Медины и Мекки [2, разд. III, оп. 1, д. 34, л. 145]. В Эфиопии срочно потребовались документы Шедевра, за которыми в Россию с большими трудностями через линию фронта был направлен специальный курьер эфиопского правительства. Шедевр оказался в затруднительном положении. Сообщая управляющему делами Православного палестинского общества генералу М. Н. Степанову о том, что «Абиссиния уже сейчас желает иметь доказательства своих прав, за которыми прислано... специальное лицо», Шедевр спрашивал у Степанова, как ему следует в данном случае поступить: отдать эти доказательства эфиопам немедленно или повременить, и если отдавать, то на каких условиях [2, разд. III, оп. 1, д. 34, л. 145].

Несмотря на сложную обстановку военного времени, Степанов, ведавший после смерти великого князя Сергея Александровича фактически всеми делами Общества и управлявший им от имени вдовы князя, великой княгини Елизаветы Федоровны, счел данный вопрос настолько серьезным, что устроил Шедевра аудиенцию с великим князем Николаем Николаевичем¹³. На этой аудиенции, состоявшейся осенью 1915 г. в Тифлисе, было решено, что Шедевр следует немедленно «ехать самому в Аддис-Абебу» через Владивосток, Шанхай, Джибути. 25 сентября 1915 г. Шедевр получил от Степанова деньги на дорогу. Накануне его отъезда из России руководство Православного

палестинского общества сочло нужным сообщить непосредственно царю о предполагаемой командировке Шедевра, дабы уточнить все детали и получить его согласие на условия сделки, предлагаемой эфиопским правительством¹⁴. В ноябре 1915 г. Шедевр был вызван в Могилев, в ставку верховного главнокомандующего для высочайшей аудиенции.

Мы упоминаем об этих высоких контактах Шедевра только затем, чтобы подчеркнуть уровень той заинтересованности, которую выказывали в этом деле российские придворные круги. Кажется странным, что во время тяжелой и разорительной войны, которую вела в то время Россия, вопрос приобретения часовен в Иерусалиме способен был так занимать ближайшее царское окружение. Впрочем, может быть, это покажется менее странным, если вспомнить о заразивших тогда правительственные и придворные сферы религиозно-мистических настроениях, ставших предвестниками крушения самодержавной России.

В последних числах ноября 1915 г. Н. Н. Шедевр прибыл в Могилев, где в то время находился царь. Однако в ночь на 25 ноября, накануне назначенной ему аудиенции, он внезапно и неожиданно для всех скончался в гостинице от острого приступа грудной жабы [2, разд. III, оп. 1, д. 34, л. 151].

К сожалению, в настоящее время мы пока не знаем, какое продолжение имела эта история и какова судьба обнаруженных Шедевром документов. Были ли они переданы эфиопскому правительству или нет — неизвестно. Также неизвестно и где они сейчас находятся: в архивах ли нашей страны, канули ли безвозвратно в вихре революционных событий или были вывезены за границу послереволюционной эмиграцией. Судьба этих документов, а также решение, принятое царским правительством относительно их использования, остаются пока для нас тайной. В какой-то мере ее покров могло бы приоткрыть детальное и тщательное изучение архивов Православного палестинского общества, архивов русской духовной миссии в Иерусалиме. Многие, возможно, стало бы нам известно, если бы эфиопским историкам удалось отыскать личный архив Бабичева, бывшего русского поручика, так же как и Н. Н. Шедевр поступившего на службу к эфиопскому императору. Бабичев в отличие от Шедевра не вернулся в Россию, долгие годы прожил в Эфиопии и скончался в Аддис-Абебе в 1953 г. И. Ф. Бабичев активно помогал Шедедру в поисках документов, был его корреспондентом и доверенным лицом в Эфиопии. И если эфиопские исследователи заинтересуются этим архивом и разыщут его, их, вероятно, ожидает много интересных открытий.

Впрочем, кое-какие данные дают основания думать, что документы, найденные Шедевром, могли быть вывезены в Европу вместе с бежавшими от революции великими князьями и царскими генералами. Так, Ч. Исман в своей книге «Русские в Эфиопии» упоминает о визите в Эфиопию в 1925 г. великого

князя Алексея Михайловича, который якобы приезжал туда «для окончательного урегулирования вопроса о владениях эфиопской монашеской общины в Иерусалиме» [11, с. 147]. В чем заключался вопрос конкретно — не совсем ясно. Автор лишь пишет, что великий князь от имени «всея России» пожертвовал некую земельную собственность в дар Эфиопии. Мы не знаем, к сожалению, что представляло собой это пожертвование, если оно имело место в действительности. Были ли это все те же документы, найденные Шедевром и в свое время не переданные эфиопскому правительству, или же великий князь пожертвовал Эфиопии одно из бывших русских владений в Палестине, от которых отказалось после революции Советское правительство?

Весьма возможно также, что вся история с «дарственными» великого князя — очередная выдумка английского историка, который вообще-то не очень беспокоился о достоверности приводимых им в своей книге фактов. Итак, вопрос остается открытым.

* * *

В свете русско-эфиопских религиозных контактов не менее интересную и еще более загадочную роль сыграл царский гусар и известный русский путешественник по Эфиопии А. К. Булатович. Этот блестящий гвардейский офицер, в 1896—1900 гг. совершивший три значительных путешествия по Эфиопии, в 1906 г. неожиданно для многих принял монашество и несколько лет провел в русском Свято-Андреевском ските на Афоне. Уже будучи иеросхимонахом, А. К. Булатович (в монашестве отец Антоний) дважды, а возможно, и трижды вновь приезжал в Эфиопию, которую он любил, вероятно, не менее, чем свою отчизну, и куда его тянуло снова и снова.

О первом его посещении Эфиопии в монашеской рясе нам не известно почти ничего, кроме того, что он привез обратно на родину своего воспитанника — эфиопского мальчика Ваську¹⁵, так как не имел возможности продолжать его воспитание в монастыре. Вторично он прибыл в Эфиопию в 1911 г. вместе с монахом Свято-Андреевского скита отцом Иеронимом [4, с. 115]. По сообщениям российского поверенного в делах в Эфиопии Б. А. Чемерзина, он объяснял свой приезд одним лишь желанием навестить своего воспитанника. Но, как впоследствии удалось выяснить Чемерзину из доверительного разговора с отцом Антонием, цель его приезда в Эфиопию была более серьезной. А. К. Булатович, как сообщал в МИД Чемерзин, намеревался испросить у правительства Лиджа Иясу разрешение на выделение ему небольшого земельного участка, предпочтительно какого-нибудь безлюдного островка на оз. Хоршал, для сооружения «скромного подворья Афонского Свято-Андреевского скита». При подворье, писал в своем донесении Б. А. Чемерзин, А. К. Булатович намеревался «учредить

школу для детей, в коей давать первоначальное образование малолетним туземцам», а при успехе преобразовать ее в семинарию [4, с. 116].

Однако ходатайство отца Антония не встретило сочувствия эфиопских правящих кругов. Особенно настороженно к его проекту отнеслась коптская верхушка эфиопского духовенства во главе с абунэ Матеосом. Светским же властям в тот смутный для Эфиопии период, когда в Гэби¹⁶ доживал свои дни совершенно больной и разбитый параличом император Менелик II, а вокруг его несовершеннолетнего внука-наследника яростно бушевали политические страсти, было явно не до Булатовича и его проектов.

Кстати, проект отца Антония имел еще и очевидную прозелитско-миссионерскую направленность. По словам Антония, скит, который он намеревался устроить, со школой при нем должен был стать «очагом просвещения» в Эфиопии и укрепления в этой стране православия, хотя направление его деятельности выделось ему как «исключительно религиозно-нравственное... вне всяких политических тенденций» [1, д. 181, л. 193].

Б. А. Чемерзин весьма скептически оценивал возможность какого бы то ни было успеха отца Антония на миссионерско-просветительской ниве в Эфиопии. Не отрицая в Булатовиче большой энергии и увлеченности, он считал его, однако, большим идеалистом, весьма далеким от практических вопросов, и писал в МИД: «С моей стороны я заметил о. Антонию в виде критики этих предположений, что надежды на прилив пожертвований на такое специальное дело, как устройство подворья в Абиссинии, едва ли основательны и что ему, в случае одобрения его планов Св. Синодом, следует рассчитывать исключительно на свои личные средства. Кроме того, по моему мнению, имеется еще одна слабая сторона — это подбор соотечественников. Едва ли можно сомневаться в том, что большая часть его братья, прельщенная ныне его пылкими рассказами о блаженстве жить в Абиссинии, разбежится вскоре после того, как ознакомится со всеми трудностями, которые предстоит испытать им на лишенном пресной воды острове, в местности, не отличающейся здоровым климатом, вдали от всякого человеческого жилья. Наконец, сам о. Антоний, будучи человеком сильного духа, в то же время весьма слаб здоровьем (он страдает малярией и глазами) и весьма несведущ в делах житейских, что отнюдь не может благотворно отразиться на его деятельности» [1, д. 181, л. 193].

В то же время, как это явствует из его дальнейшей переписки, Б. А. Чемерзин отчасти опасался, что Булатович со свойственным ему упорством способен ради осуществления своих планов наломать дров, затруднить деятельность российской дипломатической миссии и посеять недоверие в Эфиопии к российской политике.

Худшие опасения Б. А. Чемерзина, казалось, начали подтверждаться, когда летом 1913 г. до него дошли сведения о предстоящем будто бы вскоре прибытии в Эфиопию отца Антония с единомышленниками и большой партией оружия, которое тот якобы намеревался предложить эфиопскому правительству в обмен на земельный участок для строительства подворья. В депеше, направленной в МИД 5 июня 1913 г., Чемерзин просил запретить Булатовичу появляться с оружием в Африке, уподобляя его сумасбродные планы печально известной духовной миссии Ашинова—Паисия [1, д. 181, л. 193].

Нам, к сожалению, пока неизвестно, чем завершилось это дело, но, не боясь слишком ошибиться, можно высказать предположение, что Булатовичу, вероятно, так и не довелось попасть в Эфиопию накануне первой мировой войны, ибо это, несомненно, нашло бы отражение в донесениях русских представителей в Аддис-Абебе. Кроме того, известно, что вскоре после начала войны Булатович пошел добровольцем на германский фронт и ввиду своего духовного сана был зачислен на должность полкового священника в одну из действующих частей.

Таково вкратце все или почти все, что известно в настоящее время о религиозной стороне русско-эфиопских отношений. Многое здесь еще неясно. Вообще эта сфера русско-эфиопских контактов изучена советской наукой значительно менее других, и поэтому здесь будущих исследователей еще ждут, вероятно, наиболее впечатляющие находки и открытия.

¹ Относительно даты принятия христианства правителями Аксума единого мнения нет. Чаще называют IV в., где-то между 331 и 343 гг. Однако известный русский историк церкви В. В. Болотов считал, что христианство утвердилось в Аксуме на полтора века позднее — в конце V — начале VI в., причем уже сразу в форме монофизитства, т. е. после отделения Александрийской патриархии от Вселенской (Константинопольской) церкви. Впрочем, аргументы сторон в этом до сих пор не законченном споре являются пока довольно зыбкими, чтобы можно было с уверенностью предпочесть одну точку зрения другой. Версия, которой придерживаемся мы в настоящей работе, хотя и представляется нам более правдоподобной, также ни в коем случае не может считаться безусловной.

² К «восточнохристианским церквям» традиционно относят: греко-русское православие, армяно-григорианскую и грузинскую церкви, египетских христиан-монофизитов (коптов), сиро-яковитскую и другие менее значительные церкви и исповедания.

³ Трудно сказать, почему он так считал: со слов ли своего информатора аббы Григория, чьими сведениями Лудольф пользовался при написании книги «История Эфиопии», или по какой-либо другой причине.

⁴ Одним из тех, с кем Петр Андреевич Толстой, посол при дворе турецкого султана, поддерживал постоянные и весьма плодотворные контакты, был иерусалимский патриарх Досифей, державший русского посла в курсе всей политической и церковной жизни Порты (см.: *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1985, с. 135).

⁵ Возможно, отправление русского посольства в Эфиопию сухопутным маршрутом через Персию было отложено Петром в связи с появлением у него в 1722 г. нового замысла — направить русскую морскую эскадру на Мада-

гаскар, где Петр намеревался устроить перевалочную базу на торговом морском пути в Индию. Этот маршрут был удобен и для связи с Эфиопией, поскольку морской путь в Индию лежал тогда не прямо через Индийский океан от мыса Доброй Надежды, а сначала на север, вдоль восточных берегов Африки, и сворачивал на восток лишь вблизи нынешнего Сомали. (См.: *Заозерский А.* Экспедиция на Мадагаскар при Петре Великом.— Россия и Запад. Петроград, 1923, с. 91—102).

⁶ Готовя свою миссию в Эфиопию, Петр, вероятно, поставил в известность о том александрийского патриарха Косму I, у которого он мог просить помощи, совета или дополнительных сведений об Эфиопии. Во всяком случае, Александрийские патриархи, как православный, так и коптский, могли знать о замысле Петра непосредственно от самого русского царя.

⁷ Письмо Иоханннуса и крест были из Эфиопии доставлены в Иерусалим эфиопским монахом Бедромс Микаэлем и переданы им российскому генеральному консулу в этом городе Кожевникову. Сам же Бедрос Микаэль остался в Иерусалиме ожидать ответа из России.

⁸ В связи с началом войны российские представители в Константинополе, Иерусалиме, Александрии и др. были отозваны со своих постов.

⁹ Рас Алула был самым могущественным после самого Иоханннуса феодалом Северной Эфиопии, правой рукой императора, нередко его именовали даже вице-королем Абиссинии. Рас — высший военно-феодальный титул Эфиопии.

¹⁰ Паисий — инок русского Пантелеймоновского монастыря на Афоне, взятый Ашиновым себе в сотрудники по организации духовной миссии в Эфиопию. Возведен митрополитом Исидором в сан архимандрита и утверждён им главой миссии.

¹¹ Первоначально предполагалось снабжение духовной миссии некоторым числом оружия для вооружения ее «казачьего конвоя» и доставка сподвижников Ашинова в Таджурскую бухту на пароходе Добровольного флота «Россия».

¹² Русский офицер запаса барон Н. Н. Шедевр прибыл в Эфиопию в 1898 г. вместе с Н. С. Леонтьевым, а впоследствии поступил на службу к Менелику. За различные услуги, оказанные им Эфиопии, он был награжден высоким чином «фитаурари».

¹³ Великий князь Николай Николаевич, дядя царя, с начала первой мировой войны — главнокомандующий русской армией, после поражений 1915 г. отстранен от этого поста (его место занял сам царь) и переведен на Кавказ командующим Кавказским фронтом. Какую роль он играл в делах Православного палестинского общества — неясно, однако огромное влияние его в придворных и особенно армейских кругах было общеизвестно.

¹⁴ Согласно полученной Шедевром из Эфиопии телеграмме, окончательные условия, предложенные эфиопским правительством, были таковы: оно подтверждало свое обращение «передать России две часовни у храма Гроба Господня» и уплатить Шедеврду «все его расходы и все что он занял денег для этого дела». Сообщалось, что «ввиду чрезвычайного времени ему будет уплачено не деньгами, а слоной костью... независимо от сего за ним будут закреплены концессии, неправильно присвоенные Зервудаки» (Архив Института востоковедения АН СССР. Ленинградское отделение, раз. III, оп. 1, д. 34, л. 149).

¹⁵ Этот эфиопский мальчик, брошенный родителями, был найден Булатовичем во время похода русского офицера с войсками раса Уольдэ-Гийоргиса к оз. Рудольф в 1898 г. и взят им на воспитание в Россию.

¹⁶ Гэби (Гиби) — дворец эфиопского императора в Аддис-Абебе.

Л и т е р а т у р а

1. Архив внешней политики России. Фонд «Политархив».
2. Архив Института востоковедения АН СССР (Ленинградское отделение).
3. Булатович А. К. С войсками Менелика II. Под редакцией, с предисловием и примечаниями И. С. Кацнельсона. М., 1971.

4. Булатович А. К. Третье путешествие по Эфиопии. М., 1987.
5. Васин И. И. Политика капиталистических держав в Эфиопии (80—90-е годы XIX века). М., 1974.
6. Журнал Московской патриархии. 1986, № 2.
7. Материалы для биографии епископа Порфирия Успенского. Т. 1. Официальные документы. СПб., 1910.
8. Новое время. СПб.
9. Центральный государственный архив Октябрьской революции.
10. Центральный государственный исторический архив.
11. *Jesman S.* The Russians in Ethiopia. L., 1958.
12. *Rubenson S.* The Survival of Ethiopian Independence. L., 1976.